12731

12731
ОИК
осн. экз

97/92

LBM

ПЕРИ́ ВА́ӨУС

ИЛИ

ПРОТИВОВЫСОКОЕ;

то есть:

ИСКУСТВО ПРЕСМЫКАТЬСЯ

ВЪ

СТИХОТВОРСТВѢ.

сочиненіе

Іонаѳана Свифта.

ПЕРЕВЕЛЪ

Н. О.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Печатано съ дозволенія Указнаго,

у Шнора, 1797 года.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Н. Г. Р. Ф. Р.
Инвент. № 339102
« 193 г.

Любезнѣйшему благопріятелю

и

другу

ИВАНУ СЕМЕНОВИЧУ

КЛЕВЕЦКОМУ.

Сколько ни думалъ: изъ всѣхъ мнѣ знакомыхъ,
Много есть умныхъ и много ученыхъ;
Всѣ хороши, но не всякой по мнѣ.
Не кому жъ больше, какъ только тебѣ!

Н. О.

ИСКУСТВО ПРЕСМЫКАТЬСЯ
ВЪ
СТИХОТВОРСТВѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
Намѣреніе Сочинителя.

Любезныя соотечественники! Изъ давнаго уже времени удивляюся я, что между тѣмъ, какъ великое множество Стихотворцовъ, Критиковъ и Краснослововъ изъискивали и опредѣлили положительно правила древняго Стихотворенія; не сыскалося еще между нами ни одного такого, которой бы имѣлъ въ себѣ столько ревности и любви ко благу своихъ ближнихъ, что бы сдѣлать самое то и для нынѣшняго новѣйшаго Стихотворства. Всѣ вообще согласны въ томъ безъ всякаго между собою спора и противорѣчія, что нашего вѣка писатели противу древнихъ въ неисчислимыхъ степеняхъ остроумнѣе, живѣе и привлекательнѣе, какъ въ разсужденіи чистоты слога, такъ и въ разсужденіи пылкости воображенія и мыслей.

Однакожъ и то правда, что къ *Илсос*, или Высокому древнихъ писателей

пробита уже прямая, широкая и торная дорога; а къ нашему *Βάθος*, или Глубокому нѣтъ еще ни малѣйшаго по правиламъ слѣда, ни пропинки. Латинцы, существующія теперь между Греками и нами, слово *Βάθος* изъясняютъ на своемъ языкѣ названіемъ Altitudo, то есть: нѣчто такое, которое между Высокимъ и Глубокимъ. Для сей самой причины видя съ чрезвычайнымъ прискорбіемъ, что многія великія умы нынѣшняго столѣтія *) заблуждаютъ во мракѣ безъ всякаго руководства и шатаются ощупью въ потемкахъ; предпринялъ я сіе многотрудное, но полезное намѣреніе, дабы проводить ихъ прямою и настоящею дорогою, до нѣжной и пріятной тропы, ведущей къ *Βάθος*, которой есть истинное основаніе, цѣль, средина, конецъ и non plus ultra нашего новѣйшаго стихотворства.

Такъ, любезныя соотечественники! когда разсматриваю я пространство, плодородіе, многолюдство и беззаботность обитателей низменныхъ мѣстъ Парнасса; цвѣтущее состояніе ихъ торговли; изобиліе и безчисленность ихъ произведеній; то не могу себя преодо-

*) Коихъ есть надежда, что будетъ еще и болѣе.

лѣть, что бы не возродилися во мнѣ два размышленія, ввергающія меня въ невѣроятное удивленіе: — 1е. Величайшія почести, похвалы и достоинства даются однимъ только тощимъ жителямъ Парнасской вершины, коихъ число чрезвычайно мало. — 2. Нашъ народъ безъ всякой правильной системы, и безъ всякихъ положительныхъ правилъ дошелъ самъ собою до сей степени великости и возвышенія, въ которомъ мы его теперь видимъ. Что касается до перваго размышленія, то увидѣлъ я не давно съ немалымъ удовольствіемъ упадокъ хорошаго и тонкаго вкуса. Упадокъ сей приходилъ по степенно, и столь много перемѣнилъ умы, что сдѣлалися они уже съ лишкомъ разсудительны, и требовали отъ насъ безконечныхъ трудовъ для достиженія до такой высокости, въ которой находятся нагорныя жители, и для полученія того же самаго вкуса, которымъ дышутъ на высокой сторонѣ Парнасса; а между тѣмъ сами они безъ великаго труда и старанія до насъ опустишься не въ состояніи. Но какъ теперь величайшее число на нашей сторонѣ; то и не сумнѣваюсь я, что бы мы не возмогли скоро сравняться съ жителями самой вершины Парнасса, и до-

спавишь намъ самимъ свободнѣйшее теченіе и гораздо больше расхода нашимъ произведеніямъ, которыя и безъ того приняпы весьма благосклонно отъ всѣхъ великихъ господъ мѣлкаго дворянства, поддерживающихъ насъ, ободряющихъ и награждающихъ, естьли не посторонимъ, то хотя и своимъ кредитомъ.

Для дополненія такого недостатка намѣренъ я собрать всѣ разсѣянныя порознь правила нашего искуства и составить изъ того порядочное наставленіе, основанное на примѣрахъ и произведеніяхъ глубочайшихъ умовъ изъ нашего народа, подражая моимъ знаменитымъ предшественникамъ; а имянно: учителю Александра *) и писмоводцу Зиновіи **). Тѣмъ болѣе возбуждаюсь я окончить сіе достохвальное предпріятіе, что ласкаю себя успѣть въ томъ лучше всѣхъ великихъ Критиковъ, коихъ правила и наставленія, не смотря на всю изящность и доброту, исполняемы были всегда съ великимъ нерадѣніемъ и небрежливостію; предписанія же ихъ, сколь ни были исправны и строги, но послѣдуемы были только по слу-

*) Аристотель.

**) Лонгинъ.

чаю, или изъ упрямства столь малымъ числомъ писателей, что то почти не примѣтно.

Между тѣмъ думаю также посчитаться съ живущими на самой вершинѣ Парнасса нашими сосѣдами, которыя пользуяся выгодностію высокости своего обиталища бросаютъ въ насъ безпрестанно щепки, щебень, каменья и грязь, и не даютъ намъ ни мало жить въ покоѣ. Не заслуживаютъ ли они, какъ дерзскія наглецы, жесточайшаго наказанія? Они наслаждаяся чистыми и кристалловидными струями Геликонскаго источника завидуютъ нашей простой водѣ, которая по благости нашего климата хотя иногда весьма сорна, мутна и нечиста, но протекаетъ у насъ всегда изобильно. Не тѣмъ еще только насъ они обижаютъ. Извѣстно всякому, что мы никогда не чинили на ихъ земли ни малѣйшаго предпріятія и набѣговъ, и жили въ грязныхъ нашихъ болотахъ тихо и спокойно; но они производили часто на нашихъ границахъ великія грабежи похищая многія произведенія нашей мануфактуры. Для обнаруженія таковыхъ грабительствъ и предпринимаю я наиболѣе сіе сочиненіе.

Въ продолженіи сей книги увидимъ мы, что многія изъ величайшихъ нашихъ соперниковъ нисходили иногда и до насъ, и непремѣнно могли бы время отъ времени доходить сами собою и до нашего *Βάθος*, естьли бы не удерживаемы отъ того были упорствованіемъ закоренѣлыхъ между ими мнѣній, что правила древнихъ необходимо для новѣйшихъ писателей нужны.

И въ самомъ дѣлѣ нѣкоторыя изъ сихъ господъ намѣревались попытаться писать по новому образцу подъ однимъ только собственнымъ своимъ руководствомъ; но въ то самое время тѣми своими сочиненіями подходили къ намъ столь же близко, сколько другія ихъ творенія удалены отъ нашего *Βάθος*, подобно какъ небо отъ земли.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Βάθος, или Глубокое принадлежитъ къ истинному и естественному вкусу человѣковъ, а особливо въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Вкусъ къ *Βάθος* данъ человѣку отъ самой Природы; сей вкусъ, такъ сказать,

запечатлѣнъ въ его душѣ. Человѣкъ сохраняетъ его всегда при себѣ до тѣхъ поръ, покамѣстъ вовлеченъ будучи обычаемъ, или подражая примѣру прочихъ, вздумаетъ устремиться въ Высокое. Отъ сего самаго малыя дѣти, коихъ разумъ не испорченъ еще предразсудками, любятъ чрезвычайно сочиненія и образъ мыслей новѣйшихъ нашихъ писателей. Удалося мнѣ замѣтить, съ какою скоростію всеобщій вкусъ возвращается къ первой простотѣ, къ первой чистотѣ и къ первой невинности. Естьли цѣль всякаго стихотворца состоитъ въ томъ, что бы забавлять и научать, то по справедливости надлежитъ отдать преимущество тому роду Стихотворства, которой забавляетъ и научаетъ величайшее число читателей. Посмотримъ на всѣхъ любителей Стихотворства; увидимъ тотчасъ, что изъ нихъ очень мало такихъ, которыя бы охотники были до Высокаго; но напротивъ того *Βάθος* поражаетъ всѣхъ людей равномѣрно, и всѣ вообще находятъ его по своему вкусу. Безплодное и безполезное предпріятіе писать для людей тонкаго и нѣжнаго вкуса, которымъ понравиться почти не возможно; равнымъ образомъ похоже также на Химеру писать и для

потомства; потому что намъ о вкусѣ его судить никакъ не можно, слѣдовательно нѣтъ надежды заслужить отъ него похвалу и одобреніе. Признаться должно, что благоразумнѣйшія наши писатели имѣютъ единственною для себя цѣлію то, что бы *учить и нравиться*, et prodesse volunt et delectare poetae. Истинная ихъ цѣль состоитъ въ прибыли. Для достиженія до той цѣли надлежитъ, что бы они въ читателяхъ своихъ искали себѣ одобренія забавляя ихъ мысли и предлагая имъ пріятныя вещи. Изъ сего слѣдуетъ доказательно, что произведенія ихъ должны сообразоваться нынѣшнему вкусу. Благодаря нашему вѣку, хотя и пріобрѣли мы довольно нарочитыя успѣхи во всѣхъ прочихъ родахъ роскоши и развратности; но въ разсужденіи Стихотворства до того еще не доходимъ. Въ семъ только одномъ случаѣ отличаемся мы отъ нашихъ предковъ. Естьли о наукѣ судить по ея успѣхамъ, то доказательствомъ тому служитъ самый опытъ. Сколь же много умерло съ голода и хорошихъ Стихотворцовъ, сколько худыхъ.

Хотя и сказалъ я, что главнѣйшею цѣлію и единственнымъ предметомъ нашего ремесла должна быть прибыль; однакожъ не запрещаю ни мало тру-

дишься въ ономъ и упражняться для забавы или препровожденія времени нѣкоторымъ великимъ умамъ, имѣющимъ и безъ того знатныя доходы для своего содержанія. Чрезъ то не унизятъ они себя ни мало.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Необходимость нашего Ва́θос, доказанная физически.

Весьма бы было строго и сурово отнимать свободу писать отъ всѣхъ писателей, которыя не умѣютъ сочинять въ другомъ родѣ. Такому не справедливому требованію противоположу я одно физическое доказательсшво, которое для меня кажется неоспоримо: „Спи-„хотворство должно быть почитаемо „естественнымъ испражненіемъ нечи-„стыхъ влажностей мозга.„ Не хотѣлъ бы я никакъ удержать вдругъ у ближняго моего мозговой насморкъ, или какое нибудь другое истеченіе мокроты и влажностей; равнымъ образомъ не должно ему мѣшать и писать; потому что зло сіе для него необходимо, и надлежитъ оставить свободной ходъ засорившимся

въ немъ жидкостямъ. Можно увѣрить по самой справедливости, что въ цѣломъ свѣтѣ едва можно сыскать и одного человѣка, которой бы отъ дѣтства своего не имѣлъ въ себѣ когда нибудь стихотворческаго истеченія, или поноса. Равно также нѣтъ сумнѣнія и въ томъ, что такое истеченіе очень много способствовало къ поправленію его здоровья. Мы всѣ раждаемся Стихотворцами, Nascimur Poetæ. Охота писать называется собственно Pruritus, то есть: *щекотаніе дѣтородныхъ частей мозга.* Объ имѣющемъ охоту писать говорится, что онъ начинаетъ. А кто начинаетъ, тому должно и раждать. Я зналъ одного человѣка, которой бывши нѣсколько дней скученъ и задумчивъ, сдѣлался вдругъ шутливъ и веселъ; а сіе произошло отъ испражненія излишнихъ мокротъ, которыя мозгъ его отягощали. Не сумнѣваюсь ни мало, что большая часть умершихъ скоропостижно и неожидаемо лишилися жизни отъ чрезвычайнаго пріумноженія мокротъ, производящихъ пылкія сіи пристрастія и немогущихъ раздѣлиться обыкновеннымъ истеченіемъ. Осмѣливаюсь также утверждать, что бѣдныя Стихотворцы, неимѣющія у себя всего для нихъ

нужнаго, умираютъ безвременно отъ недостатка перѣевъ, чернилъ и бумаги. А изъ сего слѣдуетъ то, что запрещеніе дурнаго стихотворства весьма вредно для всякаго Государства. Мы видимъ изъ многихъ опытовъ, что тѣ же самыя мокропы, которыя лѣтомъ истекаютъ сами собою Пѣсенками, Сонетами, и пр: отъ зимней стужи сгущаются и производятъ одни только негодныя сочиненія, ругательныя рѣчи и пасквили.

Теперь доказано уже очень ясно, что посредственность не только должна быть у насъ терпима, но еще и позволительна. Не могу понять какимъ образомъ люди могли увѣриться въ противномъ, и принять то за правило по однимъ только словамъ Горація:

Mediocribus esse poëtis non Dii, non homines, non concessere columnæ.

то есть:

„Ни Боги, ни человѣки не могутъ „терпѣть посредственнаго стихотвор„ца; и труды его не стоятъ того, что „бы дѣлать ихъ явными. „

Какимъ образомъ истинная сія средина, сія наитончайшая эссенція всѣхъ добродѣтелей почитается недостат-

комъ и порокомъ въ одномъ только стихотворческомъ искусствѣ? — Какимъ образомъ пріятнѣйшія въ человѣкѣ свойства: умѣренность и посредство, почитаются гнусными въ Стихотворцѣ?

Какъ бы то ни было; но сохрани меня Боже сравнивать сихъ посредственныхъ и холодныхъ Стихотворцовъ съ великими тѣми умами, которыя рождены съ особливою живностію тяжести, или лучше сказать съ особливою гибкостію, способностію и удобностію *пресмыкаться*, и въ состояніи блеснуть собою собственною только своею силою и счастливымъ сложеніемъ понятія. Для сихъ то посредственныхъ умовъ и потребны правила, кои для нихъ столь же необходимы, какъ и для великихъ разумовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Βάθος или Глубокое есть наука.

Теперь слѣдуетъ доказать, что Искусство пресмыкаться въ Стихотворствѣ есть наука. Развѣ нѣтъ Архитектуры для сводовъ и погребовъ, равно какъ для башенъ, куполовъ, пира-

Оек № 12014